

В советское время дом, конечно, попортили, но обошлись с ним не очень варварски. Его в 1944 г. надстроили, даже сохранив некоторые детали оформления. Здесь со второй половины 1940-х гг. до 1954 г. жил прославленный летчик И. Н. Кожедуб.

В этом доме поселил героя романа «Вчерашняя вечность» известный писатель Борис Хазанов: «Доктор медицины Арон Каценеленбоген проживал на Чистопрудном бульваре, в доме с барельефами фантастических зверей и растений в стиле “модерн”. Те, у кого еще есть охота и время пройти по бульвару, без труда найдут этот замечательный дом. В годы, когда частную практику, разновидность эксплуатации трудящихся, удалось, наконец, пресечь, и домашний врач стал такой же архаической фигурой, как извозчик, вывеска с фамилией доктора и часами приема по-прежнему красовалась у парадного входа, чему отчасти способствовала известность доктора Каценеленбогена, главным же образом то, что его частенько приглашали к влиятельным лицам».

Глава VII

ВНЕШНИЙ ПРОЕЗД ЧИСТОПРУДНОГО БУЛЬВАРА

Гусятниковы (№ 1/30)

Повелось сравнивать обе стороны Чистопрудного бульвара, и, если внутренняя считалась более богатой и аристократичной, то внешняя не такой, более бедной, мещанской и купеческой. С этим нельзя согласиться — на внешней стороне были огромные и богатые усадьбы, в частности провиантмейстера Окулова, генерал-поручика Ступишина, князя Хованского. Слова автора путеводителя 1831 г. были вполне оправданы: «По обе стороны возвышаются такие дома, которые бы казались предкам нашим за нечто необыкновенное; необразованный ум их не мог бы никогда представить себе таких соразмерных каменных палат».

Левая сторона Чистопрудного бульвара начинается внешне невидными строениями, из которых первый на углу Мясницкой улицы имеет давнюю историю. На плане 1777 г. здесь показаны двухэтажные палаты, вошедшие составной частью в современный дом. Тогда палаты принадлежали купцу Н. С. Кропину. В 1787 г. этот участок и соседний с юго-востока у секретаря В. Н. Наумова купил Сергей Михайлович Гусятников, который на самом углу Мясницкой и будущего бульварного проезда пристроил в 1806 г. двухэтажное помещение «вышиной против старых палат».

Он происходил из семьи богатейших московских купцов и фабрикантов Гусятниковых, о которых самые ранние известия содержатся в документах Сибирского приказа и его Соболиной казны, где учитывались поступления меха, одного из основных поставщиков денежных средств в Московское государство. В документе 1688 г. было написано: «а соболи и мягкую рухлядь принимать из

Сибирского приказа из приема казенных целовальников Сергея Гусятникова с товарищи». Позднее, в документе 1695 г. есть сведения о его брате Афанасии Захарьевиче Гусятникове, также целовальнике.

Целовальниками назывались служащие, принимавшие подати, различные сборы — подушных денег, оброчного сбора, контроль за сбором мирского хлеба и пр. Они принимали присягу, целовали крест и потому так и назывались. Позднее это название перешло на содержателей кабаков.

По ревизии 1725 г. значится сын С. З. Гусятникова Петр Сергеев сын Гусятников, записанный в гостиную сотню, состоящую из самых богатых и привилегированных купцов, а его сын Михаил разбогател во второй половине XVIII в., получая большие доходы от питейных откупов. Достаточно сказать, что он взял на откуп все московские кабаки на несколько лет и обязался вносить с компаньоном в казну каждый год по 800 тысяч рублей — невероятную по тем временам сумму.

Средства, полученные от откупов, Гусятниковы вкладывали и в текстильные фабрики, и во внутреннюю и внешнюю торговлю. Так, торговый оборот М. П. Гусятникова, его внука, «к Петербургскому порту и в Сибирь» был одним из самых высоких в России — до 100 тысяч рублей, а в Москве им принадлежали несколько десятков лавок, Гусятниковы занимались фабриками: в частности им принадлежала шляпная фабрика, поставлявшая десятки тысяч шляп для армии — ведь они были частью обязательной военной формы. Они владели и полотняными фабриками, Михаил Гусятников состоял участником компании, владевшей Большим суконным двором в Замоскворечье, также еще и пивоваренным заводом на Пресне. Его сын Сергей Гусятников управлял с братом Петром крупной текстильной фабрикой в деревне Клишино Зарайского уезда, имевшей 200 станок и 1000 рабочих.

Потомки получили университетское образование, стали членами московского высшего общества. Об одном представителе этого рода, записном театралье, рассказывает П. А. Вяземский в «Старой записной книжке»: «...был некто Гусятников, человек зрелых лет и вообще очень скромный. Он вышел из купеческого звания, но мало-помалу приписался к лучшему московскому обществу и получил в нем оседлость. Он был большой поклонник певицы Сандуновой. Она тогда допевала в Москве арии, петые ею еще при Екатерине II, и увлекала

сердца, как во время оно она заколдовала сердце старика графа Безбородки, так что даже вынуждена была во время придворного спектакля жаловаться императрице на любовные преследования седого волокиты. Гусятников был обожатель более скромный и менее взыскательный.

В то время, о котором говорим, приехала из Петербурга в Москву на несколько представлений известная Филис-Андрие. Русская театральная партия взволновалась от этого иноплеменного нашествия и вооружилась для защиты родного очага. Поклонник Сандуновой, Гусятников, стал, разумеется, во главе оборонительного отряда. Однажды приезжает он во французский спектакль, садится в первый ряд кресел, и только что начинает Филис рулады свои, он всенародно затыкает себе уши, встает с кресел и с заткнутыми ушами торжественно проходит всю залу, кидая направо и налево взгляды презрения и негодования на недостойных французолюбцев (как нас тогда называли с легкой руки Сергея Глинки, доброго и пламенного издателя Русского Вестника)».

Чистопрудный бульвар, дом № 1. Современная фотография

Вообще в Москве популярны были сатирические и довольно острые стишки на известных представителей тогдашнего общества. О них тоже вспоминает Вяземский: «Был тогда молодой человек, вышедший из купечества в гусарские офицеры, собою очень красивый, на примете у многих дам, известный долголетней связью с одной из милейших московских барынь, любезный, вежливый, принятый в лучшие дома. Бульварный или Пресненский песнопевец рисует его следующими стихами:

А Гусятников, купчишка,
В униформе золотой,
Крадется он исподтишка
В круг блестящий и большой.

Надобно же иметь такую несчастную память, — продолжает он, — как я имею, чтобы удержать в ней, за многими десятками лет, подобную дрянь. А между тем, как ни пошлы, ни безграмотны эти стихи, они жадно переписывались сотнями рук, как поздние стихи Пушкина и Грибоедова. Злость и ругательства имеют всегда соблазнительную прелесть в глазах почтеннейшей публики».

Протяженным и узким участком (современные № 1 и 1а) владел сын М. П. Гусятникова Сергей Михайлович. По его фамилии и стал называться Гусятников переулок, побывавший с 1933 по 1993 гг. Большевистским, по обществу старых большевиков, обосновавшимся по соседству.

Сестра его красавица Елизавета вышла замуж за «придворного служителя полковничья ранга» А. С. Попова, человека значительно старше ее. После его смерти она состояла в гражданском браке с одним из известных екатерининских графов Орловых — с Федором Григорьевичем. Их сыновья прославились в истории России: Михаил, генерал-майор, подписал акт капитуляции Парижа, участвовал в движении декабристов, был Николаем I арестован и сослан, он известен, как автор серьезных экономических трудов, а другой сын — Алексей, спасал 14 декабря 1825 г. Николая I, пользовался его полным доверием, стал шефом жандармов.

В 1823 г. угловое владение принадлежало гвардии поручику Н. П. Засецкому, а впоследствии — Воейковым, при которых был перестроен главный дом на углу Мясницкой, но самые основные изменения происходили при Виноградо-

вых, владельцах пекарни, булочной и кофейни, одних из самых лучших и известных в Москве. Кроме них в угловом доме находились молочная Чичкина и магазин механических принадлежностей и машин товарищества «Бурхгард и Урлауб». В 1886 г. (архитектор Б. В. Фрейденберг) и 1888 г. (архитектор В. А. Бадер) построили справа от углового двухэтажное строение по проезду бульвара, украшенное фигурной декорацией фасада. Там на первом этаже была квартира владелицы, а на втором — квартиры, сдаваемые жильцам.

В 1910 г. владелица всего участка А. И. Виноградова продает южную часть благотворительной организации — Медико-филантропическому обществу. Это общество было частью огромной сети благотворительных учреждений императорской России, началом которой был Медико-филантропический комитет, учрежденный в 1802 г. Александром I, призванный оказывать бесплатную помощь больным, скорую помощь на улицах, призрение инвалидов, бесплатное снабжение лекарствами.

Общество строит в 1912 г. на новоприобретенном участке по линии проезда бульвара большое здание (№ 1а) для приюта «лиц медицинского звания» (архитектор И. А. Герман), на первом этаже которого находились общие помещения — канцелярия, столовая, бильярдная, на втором и третьем этажах комнаты по сторонам длинного, во всю длину дома коридора, по Гусятникову переулку к нему пристраивается здание для конторских помещений общества с залом со сценой. Рядом по Гусятникову переулку (№ 4) открывается лечебница общества.

После успешного завоевания власти новые коммунистические хозяева не желали заботиться о «лицах медицинского звания» и устроили обычные квартиры или, скорее, комнаты, и если раньше в одной комнате жили один-два человека, то теперь — целая семья. Так, профессор Любомиров занимал одну небольшую комнату с женой и двумя сыновьями. Туалеты находились в противоположных концах длинного коридора, и можно было видеть знаменитого пушкиниста Бонди, мчащегося утром по коридору от занятого туалета к предположительно свободному.

Историк Павел Григорьевич Любомиров (1891–1935) приехал сюда в 1932 г. после ареста, абсурдных обвинений в антисоветской деятельности, пародии суда и ссылки. Он пострадал не очень сильно, был выпущен, и ему позволили работать в Москве и даже опубликовали (правда, не при жизни) его главные

Чистопрудный бульвар, дом № 1а. Современная фотография

работы «Очерки по истории нижегородского ополчения» и «Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX в.». Я был другом его младшего сына и мы обычно болтали, сидя на большом сундуке в коридоре (места ему в комнате не было). Позже я узнал, что в сундуке хранились все 264 толстых тома «Чтений в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских». Не иначе как сидение на них определило мое увлечение историей.

В этом доме жили и другие известные ученые. Так, здесь поселился, приехав из Казани в 1922 г., Николай Павлович Грацианский (1886–1945), профессор исторического факультета МГУ, который преподавал во многих учебных заведениях Казани и Москвы, он был автором крупного исследования по аграрной истории «Бургундская деревня в X–XII столетиях», за которое он, как водится, был раскритикован правочерными марксистами. Это исследование выявило многие закономерности перехода в начальную стадию феодализма, оно было сделано на основе огромной работы по анализу десятков тысяч дарственных грамот и иных документов. Он перевел и прокомментировал важный исторический памятник, правовой кодекс «Салическая Правда». В трудные годы до и во

время войны он вложил свой посильный вклад, опубликовав такие работы как «Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии», «Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века» и «Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты». Погиб он от двух выстрелов, идя от железнодорожной платформы Рассудово на свою дачу. Преступников не нашли.

Здесь долгие годы жил известный пушкинист, член-корреспондент Академии наук Дмитрий Дмитриевич Благой (1893–1984), автор такого фундаментального труда как «Творческий путь Пушкина» в двух томах, а также и значительно менее интересных, перегруженных идеологическими штампами книг «Классовое самосознание Пушкина» или «Евгений Онегин, опыт социологического анализа» и бесчисленного множества более мелких работ. О нем и его работах есть разные мнения, а такого отзыва, какой оставил о нем Осип Мандельштам («Четвертая проза»), я и врагу своему не пожелаю. Желание подольститься к власти имущим достигала невероятных вершин: как рассказывали, пушкинист Благой, выступая на очередном собрании, со знанием дела уверял собравшихся в том, что Леонид Ильич Брежнев в своих бессмертных сочинениях продолжает традиции Пушкина.

Здесь жил и другой известный пушкинист — Сергей Михайлович Бонди (1891–1983), профессор Московского университета, замечательный лектор, слушать которого собирались сотни студентов, текстолог, автор сотен статей, а также книг «Новые страницы Пушкина», и «Черновики Пушкина», в которых была обоснована реконструкция некоторых публиковавшихся с искажениями и также неизвестных ранее произведений Пушкина. Его текстологические открытия очень важны для пушкиноведения.

Это адрес биолога Дмитрия Михайловича Россинского (1865–1933), работавшего в самых разных отраслях: он преподает, заведует кафедрой, изучает и внедряет в России шелководство, курирует пчеловодство, серьезно занимается орнитологией, охраной птиц, основывает журнал «Птицеведение и птицеводство», вводит в России кольцевание птиц и изучение их миграций, и даже, участвуя в кружке любителей певчих птиц, устанавливает 101 разновидность их колен в пении. Он был известен в научных кругах благожелательным отношением к коллегам и редкой общительностью, страстной влюбленностью в свое дело. Он встречался с самыми разными людьми и со всеми устанавливал тес-

ные контакты — от рабочих, поставщиков различных товаров и студентов до известных фабрикантов, Л.Н. Толстого и многих, многих других. Россинский славился широтой научного кругозора — трудно даже вкратце перечислить те организации, в которых он работал, и можно только удивиться, с какой интенсивностью — достаточно сказать, что он опубликовал 1867 статей и книг!

В советское время он вошел с чином статского советника и несколькими орденами, но уцелел и с прежней энергией продолжал работать: правда, у него отобрали квартиру и увели единственную шубу, но поселили в доме на Чистых прудах и не трогали — он оказался нужным новой власти.

В доме на Чистых прудах жил и основатель советского музыковедения Константин Алексеевич Кузнецов (1883–1953), получивший редкие в советском государстве ученые степени — доктор философии и магистр свободных искусств университета в Гейдельберге, не помешавшие ему плодотворно работать в СССР. Его характеризовали незаурядная эрудиция, широта научного кругозора и блестящий литературный стиль многих его работ, среди которых известны «Музыкально-исторические портреты», «Верди и его “Реквием”», «Пуччини и его опера “Богема”» (изданные под псевдонимом Констанс Смит), интересные москововедческие исследования «Из музыкального прошлого Москвы» и «Москва и музыка нашей страны».

В этом доме жил Иван Васильевич Евдокимов (1887–1941), автор романа «Чистые пруды», написанного в 1927 г. (см. Главу 4. Чистые пруды в литературе, кино и песнях). Он, в противоположность многим современным ему писателям, получил основательное образование, окончив историко-филологический факультет Петербургского университета, был автором нескольких романов, имевших весьма посредственный успех, но его книги о русских художниках — Врубеле, Сурикове, Репине, Левитане, так же как и искусствоведческие работы, пользовались вниманием.

Василевский. Федотова (№ 3)

Сразу же за этим домом тянется длинный участок (№ 3), часть большого владения купца Сергея Гусятникова, выходившего на угол Мясницкой улицы. Здесь у него долгое время находились сад и несколько небольших хозяйствен-

ных строений. В 1829 г. этот участок приобрел купец Макар Николаевич Кабанов, торговавший мельничными жерновами и гранитными изделиями. Тогда же он построил на северо-западной границе усадьбы двухэтажный жилой дом с деревянным верхом на кирпичном основании первого этажа. В дальнейшем усадьба расширяется, и в нее включаются три участка по проезду бульвара и, таким образом, она почти достигает Большого Харитоньевского переулка. Сын М. Н. Кабанова Николай строит в центральной части усадьбы производственные мастерские, навесы для хранения и жилые помещения для рабочих, а в юго-восточной части появляются особняки. Центральная часть сохраняется до советского времени, когда мастерские закрываются и все приспособляется для жилья.

Я помню длинный забор на этом месте, из-за которого виднелись неприглядные строения. Единственным строением, выходившим на бульвар, был миниатюрный домик еще 1840-х гг. в три окошка, почти тот самый, о котором поется в песне московского поэта С. Любецкого и певца А. Гурилева:

Чистопрудный бульвар, дом № 3. Современная фотография
Ныне здесь располагается посольство Республики Казахстан

Одинок стоит домик-крошечка,
Он на всех глядит в три окошечка...

А я смотрел на него с некоторой завистью и думал, как было бы хорошо жить в нем и отдыхать в садике позади дома. Но вскоре все кончилось — домик снесли, как и все другие строения здесь, и на их месте построили низкое распластанное и длинное здание для постоянного представительства Казахской Советской Социалистической республики (теперь она и не советская, и не социалистическая). Здание построено по проекту архитекторов Ю. Соколова и Ю. Милаева в 1980 г. из казахских строительных материалов, облицовка сделана белым ракушечником, добываемым на полуострове Мангышлак, а цоколь оформлен зелено-голубым гранитом, так называемым майкульским (по названию месторождения). Здание поставлено уважительно к окружающей застройке — оно невысокое и стоит со значительным отступом от красной линии так, что перед ним небольшой зеленый сад, где и надо было бы поставить памятник казахскому просветителю Абаю, а не отхватывать большой участок от бульвара. Посольство занимает не только это новое здание, но и соседние дома слева и справа.

Слева — бывшее здание купца Кабанова 1829 г., совершенно перестроенное и еще надстроенное третьим этажом, а справа от современного здания — два небольших особняка, похожих друг на друга. Они построены на небольших участках, приобретенных уже в конце XIX в. Кабановым и присоединенных к его большому владению.

Первый стоит на участке, который в 1755–1776 гг. принадлежал мало известному теперь художнику Василию Ивановичу Василевскому. Петр I послал его учиться живописи в Европу — надо было овладевать не только техническими науками, но и умением рисовать, учиться новым приемам живописи. Вернувшись, он работал, конечно, в Петербурге, но также в Москве. В северной столице он писал иконы для Петропавловского собора, церкви в Кронштадте, церкви Симеона и Анны на углу Моховой и Симеоновской улиц. В Москве он совместно с Д. Г. Левицким исполнил 73 иконы для храмов великомученицы Екатерины на Большой Ордынке и Кира и Иоанна на Солянке, оформлял коронацию Екатерины II, а также поновлял стенописи Успенского собора Московского Крем-

ля. Многие его работы хранятся в Третьяковской галерее, Историческом музее и в музее Рыбинска.

Между 1813 и 1815 гг. здесь построен ампирный двухэтажный каменный дом с деревянным мезонином, а когда владельцами становятся Кабановы, то вместо мезонина надстраивается третий этаж (1887, архитектор А. П. Гаудринг). Тогда же и появляются редчайшие теперь чугунные детали отделки фасадов — крыльца и балконов. Если в Москве в 1870–1880-х гг. примеров таких декоративных деталей было много, достаточно посмотреть на фотографию Кузнецкого моста из альбомов Найденова 1880-х гг., где почти у каждого дома давно исчезнувшие резные навесы, то здесь чудо из чудес — сохранился не только навес над входом на тонких профилированных колонках, но и резной балкон над ним. Я думаю, что в таком виде эти детали отделки сохранились в Москве только на Чистых прудах.

Чистопрудный бульвар, дом № 3А, построенный в конце XIX в. Современная фотография

Дом этот связан с памятью об известной русской актрисе Гликерии Николаевне Федотовой (1846–1925). Она закончила Московское императорское театральное училище, первую роль сыграла в Малом театре в пьесе Боборыкина «Ребенок» в 1862 г. и тогда уже имела успех, к концу 1860-х гг. стала ведущей актрисой театра, а в 1870-х гг. ее талант достиг расцвета. Она была лучшей актрисой театра Островского и сыграла в его пьесах 29 ролей, причем некоторые создавались им специально для Федотовой, как роль Катерины Кабановой в «Грозе», которую она исполнила еще в 1863 г. и играла ее в течение 35 лет. Любопытно, что Федотова жила в доме, владельцем которого был однофамилец ее лучшей героини — купец Кабанов. Станиславский так писал о ней: «Г. Н. Федотова была, прежде всего, огромный талант, сама артистичность, превосходная истолковательница духовной сущности пьес, создательница внутреннего склада и рисунка своих ролей. Она была мастером художественной формы воплощения и блестящим виртуозом в области актерской техники». Последние двадцать лет жизни она из-за тяжелой болезни ног не могла играть, ее только возили в коляске, и актриса появилась на сцене только один раз — в 1912 г., на юбилейном спектакле по случаю 50-летия своей сценической деятельности. Тогда она исполнила роль царицы Марфы в пьесе Островского «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и по свидетельству В. И. Немировича-Данченко, «она никогда в жизни, ни в одной роли не была так изумительна, глубоко проста, как в своем последнем выходе...».

Так случилось, что в жизни Федотовой с этим районом города были связаны два периода.

Она родилась в 1846 г., рано осталась сиротой, ее шестилетнюю отвезли в Москву, отдали на воспитание няне и поместили в пансион, который находился недалеко от бульвара, в Машковом переулке (теперь улица Чаплыгина, на месте правой части дома № 10) в доме поэта Федора Богдановича Миллера. Он мало известен, но среди его произведений есть одно бессмертное, известное всем русским без исключения и причем наизусть:

Раз, два, три, четыре, пять...
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает,

Из ружья в него стреляет.
Пиф-паф, ой-ой-ой,
Умирает зайчик мой.

Трагический конец этого произведения, написанного в 1851 г., печалил многие поколения мальчиков и девочек, пока, наконец, поэт-жизнелюб, оставшийся неизвестным, смог приписать радостную концовку:

Привезли его домой,
Оказался он живой!

Кроме этого стихотворения, Миллер был известен, главным образом, как талантливый переводчик и издатель популярного журнала «Развлечение», который выходил с 1859 г. и продолжал издаваться после его кончины в 1881 г. еще долго — до 1916 г., став, таким образом, старейшим из русских юмористических журналов.

В пансионе Миллера Гликерия Федотова пробыла до поступления в театральную школу в августе 1856 г.

Скончалась Г. Н. Федотова недалеко от своего детского пансиона, в доме № 3 по Чистопрудному бульвару 27 февраля 1925 г. На втором этаже этого дома, где балкон, была ее комната.

Чистопрудный бульвар, дом 3 — это адрес перед октябрьским переворотом знатока родословных писателей и собак Николая Павловича Пахомова (1890–1978). Он соединял в себе самые разные профессии: окончив юридический факультет Петербургского университета, стал выдающимися кинологом, признанным экспертом по гончим собакам, но не остановился на этом и превратился в очень известного музейного деятеля и литературоведа — в нем как-то сблизились эти, казалось бы, далекие отрасли знания. Пахомов впервые изучил все картины Лермонтова, много лет был директором музея «Абрамцево»: он создал не только первую экспозицию музея Лермонтова в Тарханах, но в то же время и первый питомник охотничьих собак, был автором книг «Гончая и ее стандарт», «Абрамцево. Исторический очерк» и мн. др.

Дата постройки второго здания рядом с предыдущим выложена на нем самом: над входом видны римские цифры MDXXXLXXXVII (1887). Он находится

Неврев Н. В. Портрет Гликерии Николаевны Федотовой, 1892 г.

на земле усадьбы, владельцы которой в XVIII в. неоднократно менялись. Сложилась усадьба здесь, вероятно, при Хомутовых, старинных дворянах, которые, как считалось, произошли от англичан Гамильтонов, превратившихся в русской речи в Хомутовых, которым она принадлежала между 1737–1771 гг.

В 1870 г. этот участок покупает М. И. Кабанов и строит в 1887 г. особняк для своих внуков (также проект архитектора А. И. Гаудринга). Он, так же как и пре-

дыдущий, может похвалиться сохранившимся украшением — ажурным навесом над входом.

Белинский (№ 5)

Это последний дом в квартале от Мясницкой до Большого Харитоньевского переулка. В 1796 г. владелицей стала вдова коллежского асессора Екатерина Петровна Есаулова, имевшая эту усадьбу (в которую входил и участок № 3а) долгое время — до 1836 г. На участке все это время стояли деревянные жилые и хозяйственные строения. Следующий владелец (с 1836 по 1882) — коллежский асессор И. С. Соколов строит здесь двухэтажный жилой дом на углу с Большим Харитоньевским переулком по проезду Чистопрудного бульвара, перестроенный в 1890 г. — тогда была пристроена левая часть с большим эркером и изменен фасад, который сделали более декоративным и даже пышным, и также построили двухэтажный корпус по переулку. Эти перестройки были произведены новым владельцем, архитектором А. А. Мейнгардом, жившим в собственном доме через переулок (№ 7).

Дом № 5 по Чистопрудному бульвару — памятное место, связанное с Виссарионом Григорьевичем Белинским. Он, еще студентом, решил отдать в новый московский журнал «Листок» свои стихи, поэму «Русская быль». Это было первое его выступление в печати и первые стихи, оказавшиеся последними опубликованными. Он занимался стихотворством еще в гимназии, но признавал, что оно все-таки не его дело: «Бывши во втором классе гимназии, я писал стихи и почитал себя опасным соперником Жуковского; но времена переменились... Я увидел, что не рожден быть стихотворцем и, не хотя идти наперекор природе, давно уже оставил писать стихи... Рифма мне не дается и, не покоряясь, смеется над моими усилиями; выражения не улаживаются в стопы, и я нашелся принужденным приняться за смиренную прозу». Хотя и его поэма, по моему мнению, вполне неплоха:

На коне сажу,
На коня гляжу,
С конем речь веду:
Ты, мой добрый конь,

Ты, мой конь ретивой,
Понесись, что стрела,
Стрела быстрая,
Меня молодца неси
Ты за дальние поля
И за синие леса.

Редактор «Листка» П. И. Артемов в письме к Белинскому сообщает свой адрес: «Живу я теперь близ Чистых прудов (идучи от Мясницких ворот), в первом переулке, в доме г-жи Есауловой, в приходе Харитония, что в Огородниках, на углу (вход с Гусятниковского переулка)».

Вероятно, в редакции этого журнала Белинский познакомился с начинающим поэтом Алексеем Кольцовым, который также печатался в «Листке».

Журнал «Листок» прожил очень короткую жизнь, всего несколько месяцев, хотя и приобрел некоторую известность. Он печатался в типографии, помещавшейся в деревянных строениях усадьбы Есауловой, расположенных по Гусятникову переулку, там же, где находилась и редакция.

До 1870-х гг. здесь жила артистка Надежда Васильевна Рыкалова. С определением ее адреса есть некоторое затруднение — дело в том, что в московских справочниках пишется, что она жила в доме Соколова, но на бульваре было два дома, принадлежащих одному и тому же Соколову, № 5 и № 17, и в каком из них жила артистка, точно определить не удалось.

Ровесница Малого театра, она происходила из артистической семьи: дед ее — известный комический актер, отец и мать, не столь известные, но все-таки заметные актеры, а крестной матерью была знаменитая артистка Елизавета Сандунова. Не удивительно, что она провела детство за театральными кулисами и хотела быть актрисой, но мать ее, зная, как горек мог быть актерский хлеб, готовила ее в домашние учительницы. После выпуска из пансиона она стала готовиться к экзаменам в Московском университете, причем ее учителем был молодой человек, ставший впоследствии известным публицистом, редактором «Московских ведомостей», М. Н. Катков.

Сдав трудные экзамены в университете по пяти предметам у профессоров Грановского и Давыдова, она поступила гувернанткой в дворянскую богатую

Чистопрудный бульвар, дом № 5. Современная фотография

семью Мельгуновых. Но после двух с половиной лет работы театр превозмог все, и она стала выступать на сцене, сначала Шереметевского театра в Кускове, а потом Малого театра, где переиграла множество ролей в пьесах Островского, а исполнение ею роли Кабанихи в «Грозе» считается лучшей. Играла она до преклонных лет и скончалась в возрасте 90 лет.

В корпусе по Большому Харитоньевскому переулку с конца 1890-х гг. и до 1917 г. находился ресторан «Прогресс». Вот, к примеру, в распространенной газете «Московский листок» в апреле 1904 г. можно было прочесть такое объявление: «Ресторан “Прогресс” (Чистые пруды). Сегодня будет играть военный оркестр балалаечников Таврического полка».

В советское время уже не было ни балалаечников, ни самого полка, также и ресторана «Прогресс», а дом заняли коммунальные квартиры. Так продолжалось до 1990-х гг., когда все сломали и построили новый дом, восстановив его главный фасад с бульвара.

Глава I. Белый город 10

Глава II. «Поганый или Чистый» 21

Глава III. Памятники на Чистопрудном бульваре 42

 Снесенные памятники. Михаилу Александровичу Бакунину 45

 Памятники, о которых писали. Павлику Морозову 48

 Существующие памятники. Александру Сергеевичу Грибоедову 49

 Памятник Абаю Кунанбаеву 54

 Предполагавшиеся памятники. Героям фильма «Мимино» 58

 Памятник Игорю Талькову 59

Глава IV. Чистые пруды в литературе, кино и песнях 61

 В литературе 63

 В кино 89

 В песнях 95

Глава V. Чистопрудный бульвар — от Мясницких до Покровских ворот 101

 Мясницкие ворота 101

 Покровские ворота 112

Глава VI. Внутренний проезд Чистопрудного бульвара 120

 Меншиков, Прасковья Ивановна и Почтамт (№ 2/26) 120

 Заслуженным почтальонам (№ 4) 149

 Акушеры, Мусины-Пушкины и Наркомпрос (№ 6) 151

 Кашкины. Дурасов-Дурацкий. Московские газеты (№ 8) 171

 Архитектор Август Вебер (№ 10) 188

 Паишковые. «Бородино». Мемориальные доски (№ 12) 192

 На Грязях (№ 14, 16/15) 210

Глава VII. Внешний проезд Чистопрудного бульвара 219

 Гусятниковы (№ 1/30) 219

 Василевский. Федотова (№ 3) 226

 Белинский (№ 5) 233

Пушкины. Елагины (№ 7) 236

Адам Мицкевич (№ 9) 242

Макулов. Брянчанинов. Витали (№ 11) 246

Окулов. Штейнгель (№ 13) 255

Китайгородские. Жилев (№ 15) 260

Якушкин (№ 17) 263

Ступишин. Гуськовы. «Колизей» (№ 19) 266

Хованский. Телешовы (№ 21) 275

Эйзенштейн. Штраух. Глизер (№ 23) 281

Купцы (№ 25) 289

Глава VIII. Меншикова башня 291

Примечания 330

Именной указатель 332